

стаи. Такого не бывает даже у самых «организованных» обезьян! Если следовать логике статьи Л. А. Файнберга, то уже здесь вполне можно усмотреть возникающий коллектив первобытных охотников, в котором мужчины могут уделять много времени охоте, в то время как женщины остаются на стоянках, заботятся о детях.

В целом по поводу обсуждаемой статьи можно сказать, что рассуждения Л. А. Файнберга всей своей логикой толкают читателя к уверованию в постепенность и непрерывность эволюции от обезьяны к человеку, к объяснению становления социальной жизни человека чисто биологическими закономерностями. Не вызывает сомнения, что, особенно на ранних этапах этого процесса, биологические факторы еще играли существенную роль, но ведь выступали они уже в трансформированном виде, благодаря преобразующему влиянию трудовой деятельности.

Биологизация поведения человека и антропоморфизация поведения животных не новы в науке, но сейчас они опять становятся дурной «модой». Как мы видели, не избежал влияния этой тенденции, к сожалению, и Л. А. Файнберг (случайно ли он употребляет в отношении обезьян такие обороты, как «социальные контакты», «социальная организация» и т. п.?). И поэтому по поводу этой статьи можно сказать следующее: да, факты новые, но трактовка их в основе своей старая, уже не раз опровергнутая.

К. Э. Фабри

ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ

В откликах на нашу статью В. П. Алексеев, С. А. Арутюнов, В. В. Бунак, Г. Е. Марков, Ю. И. Семенов, К. Э. Фабри сделали ценные замечания и высказали много интересных соображений по обсуждаемой проблеме. Из-за ограниченности места мы сможем остановиться только на основных положениях, затронутых нашими оппонентами.

Из откликов В. П. Алексеева и С. А. Арутюнова видно, что эти исследователи едины с нами в главном, а именно в убеждении, что по крайней мере некоторые «истоки социальной организации ранних человеческих коллективов следует искать в специфике организации сообществ приматов» (С. А. Арутюнов), так как «содержанием начального этапа возникновения человеческих отношений является не только преодоление биологического в пределах человека... но и развитие какого-то фундаментального принципа организации органического мира нашей планеты» (В. П. Алексеев). По сравнению с этим согласием в главном расхождения между этими двумя специалистами и мною носят частный характер и сводятся к различию во взглядах на структуру стад обезьян — предков древнейших гоминид, а точнее говоря, на степень доминирования в стаде его вожака.

В противоположность В. П. Алексееву и С. А. Арутюнову В. В. Бунак и Ю. И. Семенов считают неправомочной и ошибочной нашу попытку искать в особенностях сообществ обезьян отдельные предпосылки или зародыши ранних форм социальной организации. Но это, пожалуй, единственное, в чем совпадают взгляды В. В. Бунака и Ю. И. Семенова по рассматриваемому вопросу. В остальном они настолько различны, что и отвечать на их отклики необходимо порознь.

В. В. Бунак в своем отклике не ограничился замечаниями, а сделал несколько не вызывающих возражений дополнений. Мы согласны и с некоторыми из сделанных им замечаний, в особенности в отношении терминологии. Частично мы согласны и с замечанием В. В. Бунака по

вопросу об отсутствии половых связей между потомками одной матери, наша формулировка, содержащаяся в статье, носит слишком расширительный характер. Пока что определенно можно говорить только о почти полном отсутствии половых связей между матерью и ее мужским потомством. Этому, по мнению П. Сейда, препятствуют две причины: 1) уход части самцов, достигших половой зрелости, из своего стада в другие; 2) сохранение между матерью и ее взрослым потомством отношений мать — детеныш, что несовместимо с ролями половых партнеров¹. Вместе с тем нам представляется, что некоторые из содержащихся в отклике «фактических уточнений» по существу таковыми не являются, так как совпадают по содержанию с «уточняемыми» положениями статьи, отличаясь от них лишь по форме. Это относится, например, к оценке характера стада в 700 голов и к выводу о крайних формах ранговости, т. е. гаремной организации как тупике в эволюции (стр. 108) отклика). Некоторые из замечаний явно результат какого-то недоразумения. Нигде в статье не высказывается предположений, что у шимпанзе была семья, сходная с человеческой, или что у предгоминид была гаремная «семья». В. В. Бунак же нас критикует именно за подобные не свойственные нам взгляды (стр. 111).

Что же касается высказанных в его отклике предположений о форме организации прегоминид и ранних гоминид, то они не показались нам убедительными. В отклике развивается мысль, что ранние гоминиды жили отдельными брачными парами, лишь иногда соединявшимися друг с другом. Возникновение более крупных объединений В. В. Бунак относит к среднему палеолиту, когда, по его мнению, началась охота на крупных животных. Однако археологические исследования последних лет, как нам кажется, с несомненностью показали, что охота на крупных животных началась не в среднем палеолите, а значительно раньше. Уже 300 тыс. лет назад, задолго до начала среднего палеолита, древние люди в Торральбе и Амбрене в Испании охотились на слонов, носорогов, диких быков и других крупных животных. Подобная охота могла вестись только хорошо организованными и достаточно многочисленными коллективами людей. Что такие коллективы действительно существовали уже в ашельское время, подтверждается находками и исследованием относящихся к этой эпохе групп жилищ в Терра Амата и особенно в Лазарете на юге Франции. На основании тщательного изучения этих жилищ французские археологи пришли к выводу, что их обитатели жили довольно устойчивыми коллективами, насчитывавшими каждый не менее 10 мужчин-охотников. Таким образом, вместе с женщинами и детьми в каждом коллективе было несколько десятков человек. Данные археологии о коллективах древнейших гоминид в более ранние эпохи, чем ашель, менее определены. И все-таки более чем сомнительно, чтобы даже самые древние гоминиды могли жить отдельными малыми семьями, ведь даже у отсталых народов новейшего времени, несмотря на их лучшую техническую вооруженность по сравнению с их далекими предками, семья из мужа, жены и детей не может прожить вполне независимо, не прибегая в необходимых случаях к помощи других членов своей общины или соседней. Нам представляется, что прав французский археолог Ж. Пивето, по мнению которого основным субъектом гоминизации «с самого начала был не изолированный индивидуум, а группа»².

Весь вопрос в том, как возникла эта группа, каков был характер отношений между ее членами. Как известно, Ю. И. Семенов считает, что основным содержанием процесса становления общественных отношений является борьба против биологического, против безудержного зоо-

¹ P. Sade, Inhibition of son-mother mating among free ranging Rhesus monkeys, «Science and Psychoanalysis», vol. XII, N. Y., 1968, p. 35—36.

² «Une cabane a cheuléenne dans la grotte du Lazaret (Nice)», Paris, 1969, p. 234.

логического индивидуализма, прежде всего в вопросах пола. Это положение не упоминается в отклике Ю. И. Семенова, но, на наш взгляд, оно есть тот главный фактор, который определяет резко отрицательное отношение Ю. И. Семенова к гипотезе о возможности какой-то преемственности между биологическими и ранними социальными отношениями. Что же касается трактовки в этом отклике конкретного содержания статьи, то Ю. И. Семенов сосредотачивает свое внимание на вопросе о тенденциях к «экзогамии» и на характере связи между самкой и ее потомством. При этом аргументацию Ю. И. Семенова нельзя назвать безупречной.

Во-первых, полемика ведется против положений, сформулированных более категорично, чем это сделано в статье. Например, если в статье говорится о тенденции к «экзогамии», то в отклике опровергается наличие экзогамии.

Во-вторых, оппонент оставляет без внимания те приводимые в статье данные, которые подрывают его аргументацию. Так, в отклике отмечается, что за 1200 часов наблюдений было зафиксировано только два случая перехода самцов из стада в стадо, но не упоминаются приведенные нами данные значительно более длительных наблюдений Т. Роуэлла за несколькими стадами павианов Уганды. Согласно им, за пять лет в этих стадах не осталось ни одного самца, который хотя бы раз не перешел из одного стада в другое. Подчеркивая, что нельзя говорить об «экзогамии» на примере одного стада марышек, оппонент не обращает внимания на то, что в том же месте статьи говорится о наличии сходных тенденций у макак, павианов и горилл.

В-третьих, оппонент пользуется разной логикой для доказательства своих положений и для опровержения положений статьи. Опровергая наше предположение о тенденции к «экзогамии» у обезьян о-ва Лолуи, Ю. И. Семенов подчеркивает, что неизвестно, каким был состав этого стада до начала наблюдений над ним. Однако если бы наш оппонент был последовательным, он должен был бы сказать то же самое и о данных наблюдений, привлекаемых им в поддержку своих взглядов, т. е. опровергнуть их с помощью фразы «неизвестно, что было до начала наблюдений». Чтобы чрезмерно не увеличивать размеры ответа, мы не будем касаться других спорных моментов в отклике Ю. И. Семенова, тем более что некоторые из его исходных положений, на наш взгляд, убедительно опровергаются в откликах В. П. Алексеева и С. А. Арутюнова.

Г. Е. Марков по основному вопросу дискуссии, разделяющему В. П. Алексеева, С. А. Арутюнова и автора этих строк, с одной стороны, В. В. Бунака и Ю. И. Семенова — с другой, занимает промежуточную позицию. Он полагает, что наблюдение над обезьянами может объяснить «многие стороны проблемы становления... социальной организации» и дать «существенный материал для исследования ранних форм брака и семьи у гоминид» (стр. 114). Но в то же время он считает, что социальную организацию гоминид нельзя выводить из особенностей организации сообществ обезьян. В отклике Г. Е. Маркова высказано много замечаний и соображений, которые представляются нам совершенно верными, например о необходимости не переоценивать степень схождения между животными и людьми и не упускать качественного различия между ними. Мы согласны и с выдвигаемыми Г. Е. Марковым в этой связи предложением отказаться от термина «первобытное стадо», как не отражающего качественную специфику первобытного коллектива, складывающегося на основе совместного труда и социальных связей (стр. 111). Но вместе с тем Г. Е. Марков, как нам кажется, не учитывает, что элементы преемственности в эволюции форм организации, которые мы пытались выявить, могут рассматриваться как переход количества в качество, типичным примером которого является весь

антропогенез (стр. 113). Нам кажется, что это связано в данном отклике с двумя моментами. Во-первых, его автор недооценивает роли обучения в жизни высших животных, особенно обезьян, а также их способности менять структуру своих сообществ и формы поведения в зависимости от условий существования. Во-вторых, не совсем верно оценивается уровень социального развития древних и древнейших гоминид. В последние годы в результате более глубокого изучения нижнего палеолита многие исследователи, особенно археологи, пришли к выводу, что люди того времени были гораздо более развитыми социально, чем это считалось ранее³. Исходя из этого, мы попытались доказать, что род, экзогамия, материнская филиация возникают не в верхнем, а уже в среднем палеолите⁴. Иными словами, мы думаем, что разрыв между высшими формами организации сообществ животных и ранними формами социальной организации гоминид несколько меньше, чем считает Г. Е. Марков, и не исключает возможности связующих нитей между ними.

Что касается отклика К. Э. Фабри, то его автор, по-видимому, не знаком даже с наиболее фундаментальными из работ о происхождении человеческого общества и его институтов, опубликованных в 60-х гг. Именно поэтому он не смог понять, почему в нашей аргументации большое место занимает опровержение представлений о безудержной борьбе из-за самок и некоторых других идей, от которых приматологи давно отказались. А все дело в том, что подобные представления не только фигурировали в новых как советских, так и зарубежных работах по возникновению человеческого общества, например в монографии Ю. И. Семенова, но и являлись важным исходным положением в концепциях о возникновении первобытного человеческого стада. Не случайно, что критике этих идей уделяется большое место в опубликованном в 1970 г. капитальном приматологическом исследовании Н. А. Тих (см. главу 3, стр. 279 и др.). Упрекая нас в неполноте и односторонности, К. Э. Фабри опять-таки не учитывает, что статья не является обзором новых исследований по этологии приматов. Мы использовали лишь те данные исследований, которые, на наш взгляд, имели отношение к теме статьи. При этом одни из этих данных для этолога — прописная истина, а историкам первобытного общества еще недостаточно известны; интерпретация же других данных вызывает среди приматологов и специалистов по антропогенезу резкие споры. Одни пытаются находить определенные параллели и связующие нити между формами организации обезьян и ранними формами социальной организации (в тексте статьи содержится много ссылок на работы сторонников этого направления), другие, как К. Э. Фабри, считают это недопустимым⁵. Не являясь специалистом в области этологии, автор счел себя вправе разделить точку зрения тех исследователей приматов, чья аргументация показалась ему более убедительной, и, исходя из нее, сделать некоторые собственные выводы. Нам думается, что лишь дальнейшие исследования позволят окончательно решить, кто прав — те, кто разде-

³ В. П. Любин, Нижний палеолит, «Каменный век на территории СССР», М., 1970; стр. 40; А. Н. Рогачев, Палеолитические жилища и поселения, там же, стр. 76; его же, Значение и роль социальной среды в развитии культуры первобытного общества, «Природа и развитие первобытного общества», М., 1964, стр. 185.

⁴ Подробнее об этом см. Л. А. Файнберг, Возникновение родового строя, «Проблемы истории первобытного общества», М., 1974.

⁵ См., например: Н. А. Тих, Предыстория общества, Л., 1970, стр. 177, 281, 298 и др.; В. П. Якимов, Черты прерывности в эволюции человека, М., 1973, стр. 4—6; H. Kummer, Primate societies, Chicago, 1971, p. 152; Sh. Washburn and C. Lancaster, The evolution of hunting, «Man the hunter», Chicago, 1968, p. 300—301; G. Shaller and G. Lowther, The relevance of carnivore behavior to the study of early hominids, «Southwestern Journal of Anthropology», vol. 25, 1969, № 4, p. 307, 336; R. Fox, In the beginning: aspects of hominid behavioral evolution, «Man», vol. 2, 1967, № 3, p. 421, 428.

ляет взгляды К. Э. Фабри, или их оппоненты. Что же касается нашего отношения к взглядам К. Э. Фабри и его аргументации, то они представляются весьма уязвимыми. Основным способом доказательства, применяемым оппонентом, служит ссылка на его собственные работы. При этом молчаливо считается, что высказанные в них взгляды являются единственно возможными и они и только они отвечают современному уровню науки. То же, с чем К. Э. Фабри не согласен, именуется «худшими временами анекдотической зоопсихологии». Между тем знакомство с новыми работами как советских, так и зарубежных приматологов, этологов и психологов показывает, что многие из них развивают и обосновывают на большом фактическом материале как раз те положения, которые для нашего оппонента всего лишь «анекдотическая зоопсихология». Например, Н. А. Тих на основе многолетних наблюдений над обезьянами пришла к выводу о наличии у них взаимопомощи и описала ее формы, а также доказала, что ведущим фактором в эволюции сообществ приматов «являлась способность жить в сообществе и подчинять интересы индивида интересам сообщества»⁶. При этом формы животной взаимопомощи рассматриваются Н. А. Тих в качестве биологических предпосылок гоминизации.

К выводу о наличии у высших животных взаимопомощи и сотрудничества приходит и Л. В. Крушинский, ведущий советский специалист по генетике поведения. Он полагает, что животные помимо условных рефлексов и инстинктов обладают и зачатки разума и что рассудочная деятельность, на основе которой у человека могли создаться многообразные формы социальных и трудовых отношений, начала, видимо, оказывать влияние на сообщества животных и до возникновения человека, «другими словами человек унаследовал «предрасположение» к ней от своих предков»⁷. Такая точка зрения представляется нам более обоснованной, чем взгляды, изложенные в отклике К. Э. Фабри. Что касается спорного вопроса о возможности или невозможности половых связей между матерью и потомством у некоторых приматов, то мы ссылаемся на наблюдения Д. Сейда, который приводит в своей статье и сходные данные других исследователей. Позиция же нашего оппонента по данному вопросу не подкреплена никакой аргументацией.

Некоторые из замечаний К. Э. Фабри являются результатом какого-то недоразумения. Так, мы никоим образом не пытаемся «объяснять становление социальной жизни человека чисто биологическими закономерностями». Совсем, напротив, в статье определено говорится, что биологические формы поведения и организации рассматриваются нами лишь как предпосылки или зачатки некоторых институтов, формирующихся у ранних гоминид под воздействием социальных факторов (стр. 96—97, 102, 103 и др.). Вполне согласны мы с К. Э. Фабри и в том, что смена форм организации обезьян социальной организацией древних людей совершалась согласно закону отрицания. Но непонятно, как можно согласовать такую точку зрения с категорическим отрицанием связующих нитей между формами поведения и организации обезьян и социальными институтами древних гоминид. Ведь в материалистической диалектике отрицание понимается «как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного...»⁸. Пытаясь обратить внимание на некоторые предпосылки поведения и институтов ранних гоминид, мы как раз руководствовались принципами закона отрицания отрицания.

Что касается других замечаний, сделанных в отклике К. Э. Фабри, то мы согласны с некоторыми из них. Действительно, нельзя категориче-

⁶ Н. А. Тих, Указ. раб., стр. 91, 280 и др.

⁷ Л. В. Крушинский, Возможный механизм рассудка, «Природа», 1974, № 5; его же, Надо ли делать выводы из его поведения, «Знание — сила», 1974, № 4.

⁸ В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 29, стр. 207.

ски противопоставлять доминирование и гаремную структуру, так как последняя также является формой доминирования. Вместе с тем мы убеждены, что в смысле возможностей дальнейшего развития имеется существенное различие между стадами с ограниченной степенью доминирования и его крайней формой — гаремной структурой. Справедливо замечание К. Э. Фабри и о том, что экстремальные условия для ископаемых обезьян возникали не только в полупустыне, но и вообще при переходе к жизни из тропического леса на открытое пространство. Все дело, на наш взгляд, в уровне этой экстремальности. При более низком ее уровне начались изменения в поведении, приведшие к гоминизации, при более же высоком уровне экстремальности прогрессивное развитие было заторможено. Согласны мы и с тем, что не всякое содержание обезьян в неволе, а только клеточное и далеко не всегда вольерное создает экстремальные условия.

Закljučая наш ответ, мы хотим поблагодарить всех авторов откликов за интересные замечания. Дискуссия выявила большие различия во взглядах ее участников на конкретные пути возникновения ранних форм социальной организации. Если она хоть в какой-то степени способствовала решению поставленного вопроса, мы сочтем задачу своей статьи выполненной.

Л. А. Файнберг

ОТ РЕДАКЦИИ

Развитие этологии дает обширный материал, который в определенных границах может быть использован при изучении вопросов социогенеза, привлекавших к себе, как известно, пристальное внимание основоположников марксизма. Накопленные к настоящему времени данные попытался обобщить этнограф Л. А. Файнберг, статья которого, несмотря на известную недооценку качественного различия между сообществом животных и человеческим обществом, стимулирует давно назревший обмен мнениями по этим сложным вопросам. В обсуждении статьи Л. А. Файнберга на страницах этого номера журнала приняли участие ученые различных специальностей — антропологи В. П. Алексеев и В. В. Бунак, этнографы С. А. Арутюнов и Г. Е. Марков, философ Ю. И. Семенов, этолог К. Э. Фабри. Обсуждение выявило различные, в ряде случаев явно противоположные точки зрения, что во многом объясняется недостаточной разработкой затронутых проблем, а также отсутствием междисциплинарной координации исследований по этой проблематике. Редакция надеется, что публикуемая статья и отклики на нее будут способствовать комплексному изучению этапов становления социальной организации.

ON CERTAIN PRE-CONDITIONS FOR THE RISE OF SOCIAL ORGANIZATION

An attempt is made here to ascertain, on the base of recent ethological studies, whether data on zoological associations of primates may be drawn upon, besides archaeological and palaeoanthropological material, for reconstructing some forms of organization occurring among pre-hominids and early hominids. The author gives an affirmative answer to this question and endeavors to find in certain features of primate behaviour and organization some pre-conditions for the rise of such social institutions as exogamy, matrilineality, etc.

L. A. Fainberg

BIOLOGICAL FACTORS OF IMPORTANCE FOR THE FORMATION OF SOCIAL ORGANIZATION

L. A. Fainberg's article is remarkable primarily as a survey of data on primate behaviour and secondly as a convincing attempt to derive the initial forms of the hominid social organization from interrelations within the association of apes or monkeys. At the same time, the hypothesis of the existence of some unstable form of a harem-structured group remains unrefuted in the article.

V. P. Alexeev

ON THE FORMS OF PRE-HOMINID COMMUNITIES

In the author's opinion, the origin of matrilineal exogamous society can be derived from the situation in a harem-structured animal community, where the female part is stable and genetically successive, while the male partners are outsiders. Along with the increasing mastery of the ecological environment characteristic of the human stage of development and the consequent growth in size of the communities, the harem-type structures inevitably had to cede their place to structures based on couples.

S. A. Arutiunov

ON THE FORMS OF SEXUAL BEHAVIOUR AMONG APES AND EARLY HOMINIDS

In his article L. A. Fainberg poses some very topical problems concerning the early evolution of hominids. Some remarks should be made, partly to supplement the author's materials, partly to dispute some of his assertions. The competition between males is mainly aimed at the selection of the strongest sires and those best adapted to the environment; it is not necessarily followed by sexual intercourse with the nearest female. Among herbivorous mammals (ungulate animals, apes and monkeys) a group has one leader but his supremacy does not rule out sexual coupling; this ensures necessary sexual variability.

The omnivorousness of the hominids is incompatible with a herd organization. The composition of the primary group was determined by the daily amount of food that could be gathered by one or two mothers with their offspring and one leader. With the improvement of food procuring methods, especially with the shift to hunting large animals, the groups increased in size but did not disturb the more or less enduring relationship of the mother with one male. Close blood kinship between parents could only arise as a rare exception, since it was unusual for two children of one mother to reach maturity.

V. V. Bunak

TOWARDS THE PROBLEM OF THE RISE OF SOCIAL ORGANIZATION AMONG THE HOMINIDS

In his article L. A. Fainberg examines some extremely interesting problems in the history of the rise of human social organization. Many of the author's premises are acceptable, especially those stressing the importance of studying associations of apes and monkeys when investigating problems of family and social organization in the early stages of anthropogenesis. Some of L. A. Fainberg's views, however, call for objections, and first of all his thesis that the zoological associations of primates already comprised direct pre-

conditions for the rise of human groups and the matrilineal clan. These complex social phenomena only arose and developed in the later stages of anthropogenesis, probably in the late Palaeolithic period.

G. Ye. Markov

ASSOCIATIONS OF APES AND HUMAN SOCIETY

In controversy with L. A. Fainberg the author points out that there are no factual data testifying to the occurrence of even rudiments of matrilineality and exogamy among apes and monkeys. There is a profound, fundamental difference between the group of primates, on the one hand, and the completely human society, on the other. Besides this, they are separated by 4 million years of the pre-human community and 1 million years of the evolution of primitive human society. That is why any attempts to derive the institutions of the completely human society from the group of sub-human primates is, according to the author, doomed to failure in advance.

Yu. I. Semionov

BAND BEHAVIOUR OF APES AND SOCIAL ORGANIZATION

The article by L. A. Fainberg that is under discussion contains a survey of recent studies on the gregarious behaviour of apes and monkeys. The results of these studies are interpreted in a one-sided way; some serious inaccuracies and errors are committed both in general problems and in particular questions of animal behaviour; all this greatly diminishes the merits of the article. In his own reasoning the author manifestly overestimates the role of purely biological factors in the rise of human society; it leads to the biologization of human behaviour and to the anthropomorphization of animal behaviour.

K. E. Fabri

REPLY TO OPPONENTS

The author subjects his opponents' comments to critical analysis, draws attention to serious disagreements between them, as well as to certain inaccuracies in some of them. He accepts some particular criticisms but underlines his immutable position with regard to the fundamental problems raised in his article.

L. A. Fainberg

NOTE BY THE EDITORIAL BOARD

The development of ethology offers plentiful material which may be utilized, within certain limits, in studying problems of sociogenesis. These problems had, as is well-known, attracted active interest on the part of the founders of Marxism. The ethnographer L. A. Fainberg has attempted to summarize the material that has been collected up to date. His paper, though suffering from a certain underestimation of the fundamental differences between animal associations and human society, stimulates a timely exchange of opinions on these complex problems. The scientists that have taken part in discussing L. A. Fainberg's paper in the present issue specialize in different fields: physical anthropology (V. P. Alexeev, V. V. Bunak), ethnography (S. A. Arutiunov, G. E. Markov), philosophy (Yu. I. Semionov), ethology (K. E. Fabri). The discussion has revealed different, in some cases manifestly contradictory points of view; this is due in great measure to the insufficient research in the problems concerned, as well as a lack of co-ordination between the various disciplines in the course of their investigations. The editors hope that the article we are publishing and the comments will promote integrated study of the stages by which social organization came into being.